

5.11.92

403

«Судите меня — я один виноват»

Лев Ошанин разбил часы Владимира Маяковского

«Художник, не надо
души и таланта,
Но правды, прошу тебя,
не пожалей
На тысячных простынях
русских рублей
Не лик мудрецов
и не профиль вождей.
Рисуй вездесущий
оскал спекулянта»

Слишком резко для старости лирического поэта? Но времени не выбирают. К нему прислушиваются. Великие стихи рождают великое чувство сопричастности. «Песня о тревожной молодости», «Таежный вальс», «Течет река Волга» — это и наша судьба. И горькие, как все невозвратное, «Дороги», которые нельзя позабыть, ибо в строчках этих, скупых и сдержанных, как слезы вернувшихся с поля брани, спрессована наша общая боль и память о войне...

...На юбилейном концерте 80-летнего Льва Ошанина прозвучало 12 (!) песенных премьер.

— Лев Иванович, мало кто знает, что нынешние антиподы Василий Белов и Анатолий Приставкин в 50-х годах начинали в вашем поэтическом семинаре в Литинституте...

— Это правда. Белов в начале третьего курса притащил мне свою первую повесть. Прочтя, я сказал ему: «Вася, не пиши больше стихов!» Первая книжка его рассказов «Речные излучки» вышла в «Молодой гвардии» с моим

послесловием. И дальше он уже пошел как прозаик.

— А сами вы у кого учились?

— У меня был изумительный педагог Иван Иванович Веткин. Он бесконечно любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова. А современность я уже изучил сам — одним из первых поэтов, которого я самостоятельно прочел, был Николай Гумилев. Он сыграл самую большую роль в моей жизни. Поэзию Гумилева я всегда остро чувствовал. Несмотря на полный «запрет» поэта, всем своим студентам во все времена я читал его стихи. «Слово», «Шестое чувство», «Память» — вряд ли другой художник начала века мог создать такое чудо.

— Доводилось ли общаться с вашими современниками — поэтами революционной эпохи?

— Доводилось. Мне даже довелось разбить Маяковскому часы. В ту пору я работал токарем на заводе в Сокольниках, часто ходил с не очень отмытыми руками. Был литературный вечер, Маяковский сидел на сцене, Сурков, как обычно, был ведущим. В перерыве все вышли в спортивную комнатку, стали в кружок, откуда-то появился мяч. Маяковский увидел, стоит какой-то парнишка, в косоворотке, и раз — мяч бьет на меня. Ну, думаю, ладно, Владимир Владимирович.

Со всех сил отбил мяч на него и — надо же! — попал в карман, где были часы на цепочке. Часы выскочили и рассыпались по винтику по всей комнате. Все тотчас разбежались, остались мы вдвоем. На коленях сидим, по полу шарим. Маяковский пробасил: «Даренные были часы». Я в ответ: «Простите, Владимир Владимирович, простите!» Он поглядел на меня, ну что с пацана возьмешь. Встал, положил мне руку на плечо. «Ладно, — говорит, — новые куплю. Пойдем в зал!» Да, широкая была натура.

— В какой момент нашей истории началось пресыщение революционной романтикой в песне?

— К началу 60-х годов уже много было написано о комсомоле. Причем в однообразно призывной манере: иди, делай, осваивай, строй. От частого употребления людям это осточертело. И я написал без назиданий: «Меня МОЕ сердце в тревожную даль зовет». Не тебя! А меня. А ты как хочешь. И тогда тебе тоже начинает хотеться. Но уже без понуканий.

Эта песня была написана для фильма «По ту сторону» с Юрой Пузыревым в главной роли (его запись, на мой взгляд, так и осталась лучшей из всех). Я очень долго над ней думал. Мне хотелось написать о каждой единст-

венной и неповторимой душе, которая не может жить без романтики, без тревожной ноты в сердце...

— Вы были лауреатом Сталинской премии за фильм «Юность мира» и прозвучавший в нем «Гимн демократической молодежи». Скажем, автор нашумевших «Детей Арбата» ныне не любит вспоминать, что в 1950 году он был удостоен этой награды за роман «Водители». Кем был для вас Сталин?

— Скажу правду — Сталину я верил. Я старый русский дворянин, комсомолец и коммунист с большим стажем. Сначала внутренне сопротивлялся обилию упоминаний его имени. Но потом принял общую установочную линию, что Сталин — это не Сталин. Это символ превращения крестьянской страны в индустриальную. Тогда он стал появляться и в моих работах. Я, конечно, совершенно не знал того, что происходило в ГУЛАГе, за стеной. В нашем наивном представлении виноваты в злодеяниях были его сподручные. И только после доклада Хрущева на XX партсъезде Сталин перестал для меня существовать.

— Вы жили в эпоху директив. Какие у вас были отношения с литературным начальством?

— Прямых указаний, кроме попытки работать над Гимном СССР, не было. Ну это особен-

ный случай, нельзя было отказаться. Над текстом корпели многие поэты, и все-таки вариант был выбран самый неудачный.

— Неожиданно ваше обращение к исторической тематике.

— Мне довелось проехать все дороги Александра Македонского. Об этом роман в балладах «Вода бессмертия». «Талисман Авиценны» посвящен великому восточному мудрецу. Недавно закончил третий роман «Аз верую» — XVIII век, Россия, Аввакум, Никон, царь Алексей Михайлович. Тема очень для меня дорогая. Увы, роман застрял в производстве, когда в стране застряло все и везде. В маленьком издательстве «Старожил Москвы» выходит книжка лирики «Осколки любви». И, наконец, вместе с Маргаритой Леонтьевой пишем пьесу «Сцены из писательской жизни». В центре — проблемы нравственного кризиса интеллигенции, раскол в Союзе писателей. Хочется заступиться за само понятие «писатель», когда-то оно было очень высоким. Здорово потрепали мы это слово...

— И вот характерный случай. Ваш брат по перу Евтушенко начинал «Разведчиками грядущего», а закончил... «Носками для президента России»!

— Вы знаете его девиз? «Хорошо, когда тебя хвалят, еще

лучше, когда ругают, но ужасно — когда о тебе полгода молчат». И он любым способом старается добиться этого немолчания о себе. Поэт, безусловно, талантливый, много написавший хорошего, но, как мне кажется, часто занимающийся дешевой саморекламой. В частности, то, что вы назвали, конечно, не вдохновляет.

— В мемуарах писателей часто звучит мотив творческой несвободы в недавнем прошлом...

— Это было, конечно. Многие оставались в столе. Скажем, «Повесть о Верности», написанную мной в 1956 году, не смог пробить даже Симонов. Она вышла лишь два года назад. Но парадокс в том, что сейчас, когда, казалось бы, полная свобода, стало еще хуже. Просто негде печатать стихи. В толстых журналах признают только эмигрантов или тех, кто сидел...

— Однако, когда ваше стихотворение «Судите меня» появилось в «Правде», критика отреагировала моментально.

— Действительно, московская молодежная газетка «установила», что, раз стихи напечатаны в «Правде», да еще под орденами, да еще в день открытия Конституционного суда, — значит, это политический акт. И вот тут они распекали меня как могли, но не очень убедительно. Я это воспринял как рекламу.

Вел беседу
Игорь ЛЕНСКИЙ.

Ошанин Лев